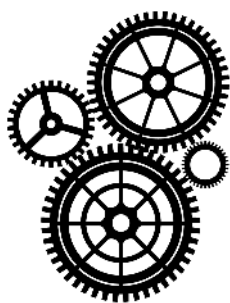

НИИ
СТИВЕНСОН

НИИ
СТИВЕНСОН

АЛТАВНЫЙ
ВЕК,

или букварь
для благородных девиц

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Neal Stephenson
THE DIAMOND AGE,
OR, A YOUNG LADY'S ILLUSTRATED PRIMER

Copyright © 1995 by Neal Stephenson

Перевод *Екатерины Доброхотовой-Майковой*

Дизайн серии *Василия Половцева и Андрея Саукова*

Стивенсон, Нил.

С80 Алмазный век / Нил Стивенсон ; [пер. с англ. Е. М. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-04-099523-3

Далекое будущее. Национальные правительства пали, границы государств стерлись, настало время анклавов, объединяющих людей на основе общей культуры или идеологии. Наиболее динамично развивается общество «неовикторианцев», совмещающих высокие технологии и мораль XIX века. Их главный оплот — Атлантида на побережье бывшего Китая.

Один из лидеров и главных акционеров «неовикторианцев», лорд Финкель-Макгроу, заказывает разработку «Букваря для благородных девиц» — интерактивного суперкомпьютера в виде книги — для принцессы и своей внучки. Этот гаджет должен заменить как учителя, так и родителя и помочь им стать истинными представителями элиты.

Талантливый инженер по нанотехнологии Джон Персиваль Хакворт похищает разработанное им устройство у своих хозяев и хочет передать его своей дочери, чтобы она могла научиться свободно мыслить, без рамок, накладываемых «неовикторианством». Однако случайно «Букварь» попадает в руки молодой Нель, девушки с самого дна этого диккенсовского рая. Теперь у нее в руках устройство, способное перепрограммировать будущее человечества. И это меняет все...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-099523-3

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*По своей природе люди близки друг другу;
По своим привычкам люди далеки друг от друга¹.*

Конфуций

---

¹ Изречения Конфуция даны в переводах В. А. Кривцова и И. И. Семененко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Подъем или упадок нравственности вызывают мощные факторы, главнейший из которых — реакция на установления предшествующей эпохи. Туда-сюда качается маятник, и горстка повисших на нем выдающихся людей бес-
сильна изменить его ход.*

Сэр Чарльз Петри, «Викторианцы».

*Плеб приходит в модное ателье;
занятные сведения о видах современного
вооружения*

В церкви Святого Марка звонили к обедне, колокольный трезвон несся вдогонку Баду, когда тот со скоростью сто километров в час летел в модное ателье делать апгрейд лобешнику. Новые коньки развивали бы все сто пятьдесят, но это если ты не толстый и носишь аэро. Бад предпочитал эластичные кожаные куртки — они лучше подчеркивают мускулатуру. Прошлый раз (два года назад) в том же ателье Баду впрыснули энзеты — маленькие такие, их не увидишь, не почувствуешь. Эта дрянь постоянно сокращала мышцы электрическими импульсами по программе наращивания объема. Вкупе с тестостероновым насосом в левой руке они производили такое же действие, как если бы Бад дни и ночи качался на снарядах, — только усилий никаких и пот градом не льется. Одно плохо — мышцы дергаются, совсем заколебали. Конечно, постепенно привыкаешь, но на роликах бывает немного не по себе, особенно когда мчишься по людной улице со скоростью сто километров в час. К счастью, редкий прохожий вякал, хотя бы Бад и на полном ходу сбивал его с ног. После сегодняшнего никто не посмеет против него возникнуть. Никогда!

На последней работе — маньком — Бад оторвал около тысячи юк и, что удивительно, ни единой царапины. Третью он потратил на черную косуху, еще треть — на кони, последнюю собирался оставить в ателье. Лобоган можно вжи-

вить гораздо дешевле, но это значит тащиться через дамбу в Шанхай, к подпольному модельщику-китайцу, а в итоге тот занесет тебе в череп какую-нибудь заразу, лечись потом, да еще карманы обчистит, пока будешь лежать в отключке. И потом, в Шанхай пускают, только пока ты нулевой. Баду, чтобы пройти с лобешником, пришлось бы подмазывать неговорчивых шанхайских копов. Нет, на такое дело лучше не жаться. Перед Бадом открывалась неограниченная карьера, ведущая в иерархию исключительно опасного наркобизнеса, и первую стажировку в качестве манька он уже прошел. Новый встроенный лобовой пистолет — разумное вложение денег.

Долбанные колокола трезвонили в тумане не переставая. Бад буркнул себе под нос, и музыкальная система — элементы фазированного акустического поля, натканые в барабанных перепонках, как зернышки в земляничине, — прибавила громкость. Однако даже музыка не могла заглушить перезвон, отдававшийся в самых костях. Может, раз уж он будет в ателье, сменить заодно батарейки, вживленные в правую височную кость? Они рассчитаны на десять лет, но прошло уже шесть, а слушал он громко.

В очереди оказались трое. Бад сел, взял со столика медиатрон, по виду — мятый, засаленный газетный листок. «Вестник самозащиты», — скомандовал он громко, чтобы слышали остальные. Тут же на листке появился логотип его любимого канала. Медиаглифы, в основном крутые анимированные, выстроились в меню. Бад просмотрел их, нашел посвященный сравнению разных типов оружия, щелкнул ногтем. Тут же появились другие медиаглифы с видеопанелями, в которых сотрудники «Вестника» испытывали новые лобометы на подвижных и неподвижных мишенях. Бад бросил листок на стол: этот обзор он штудировал последние несколько дней. Раз не обновили, значит, решение остается в силе.

Первый тип пришел делать татуировку, это заняло секунд десять. Второму надо было просто перезарядить лобешник, он тоже вошел и вышел. Девушка собиралась заменить несколько энзитов в рактивной сетке, в основном около глаз, где начали появляться морщины. Это оказалась долгая песня. Бад снова взял медиатрон и погрузился в любимый рактюшник «Заткнись, или сдохнешь!».

Прежде чем вставлять лобомет, модельщик потребовал юки на бочку. В другом месте это прозвучало бы оскорбительно, но только не на Арендованных Территориях, где такое в порядке вещей. Убедившись, что его не обманывают, модельщик побрызгал Баду на лоб из аэрозольного флакона, отодвинул клочок кожи и потянул вниз машинку, закрепленную на длинном и тонком, как у бормашины, манипуляторе. Автоматический захват быстро и уверенно сомкнулся на старом стволе. Бад, который в последнее время из-за мышечных стимуляторов сделался сам не свой, подпрыгнул было, но манипулятор уже извлек лобомет. Хозяину оставалось только следить за экраном и приговаривать:

— Дырочка в черепе маловата, сейчас машина расверливает ее под больший калибр... готово... вставляет новый...

Пистолет встал на место. По черепу распространилось неприятное чувство — как в детстве, когда тебе засветят в лоб из пневматического пистолета. Голова сразу застыла.

— Сейчас там сто обойм с хлопучками, — сказал модельщик. — Проверишь УГРИ, зарядку настоящими.

Он прилепил кожу на место, чтобы она срослась без следа. За отдельную плату тебе могут оставить шрам — пусть все видят, что ты заряжен, но Бад слышал, будто некоторые телки этого не любят. В своих отношениях с противоположным полом он руководствовался чудовищным вингететом из первобытных импульсов, смутных домыслов, ложных

теорий, полузабытых дурных советов, обрывков случайного разговора и откровенно гротескных анекдотов. Все это складывалось в чистое суеверие, которое в данном случае утверждало: шрама не надо.

Кроме того, у него были прицелы — похабного вида черные очки с крестом нитей на одном глазу. Повышают меткость во много раз и видны каждому, так что все знают: увидел прицелы — не вякай.

— Ну, попробуй, — сказал хозяин и развернул сиденье — древнее парикмахерское кресло, обитое переливчатым пластиком.

Перед Бадом оказалась дальняя стена и лысый безликий манекен. И манекен, и стену испещряли черные точки.

— Пуск! — сказал Бад, и лобомет тихонько зажужжал в ответ.

— Готовность! — И снова раздалось подтверждающее гудение.

— Пли! — Бад приказал, не разжимая губ, но лобомет услышал; легкая отдача отбросила голову назад, со стороны манекена донеслось резкое «чпок!» (Бад чуть не подпрыгнул), стена озарилась короткой вспышкой.

Голова заболела сильнее, но Бад не обращал внимания.

— Скорость вылета больше, так что привыкай целить немного ниже, — сказал хозяин.

Бад выстрелил снова, и на этот раз попал манекену в шею.

— Потрясающе. Убойником ты снес бы ему башку, — объявил хозяин. — Сразу видно мастера. Но это еще не все. Магазины три, можно зарядить три вида патронов.

— Знаю, — сказал Бад. — Смотрел. — Потом, лобомету: — Рассеивание десять, площадь поражения средняя. Огонь!

Голову отбросило сильнее, десяток «чпок!» донеслось одновременно и от стены, и от манекена. Запахло горелой пластмассой, глаза защищало от дыма.

— Можно задать рассеивание сто, — сказал хозяин, — но отдача, скорее всего, оторвет голову.

— Усек, — сказал Бад. — Заряжай. Первый магазин — электрошок. Второй — разрывные. Третий — убойники. И, твою мать, дай мне таблетку анальгина.

*Источник Виктория;
описание его окрестностей и внутреннего
устройства*

Воздухозаборники Источника Виктория торчали над крышей Королевской экологической оранжереи кустом стометровых калл. Словно довершая аналогию, вниз, в алмазное основание Нового Чжусина*, уходили фрактально ветвящиеся корни системы водоподачи. Их бесчисленные капилляры, расположенные по периферии умкораллового рифа в нескольких десятках метров от поверхности, вбирали теплую воду Восточно-Китайского моря. Той же цели могла бы служить одна большая труба, снабженная мощным насосом, вторая — воздушная — с успехом заменила бы каллы; мусор и растерзанные птичьи трупы оседали бы на решетках, не забивая механизм.

Однако это было бы неэкологично. Геотекторы из «Империал Тектоникс» в упор не узнали бы экосистему, живи они в ней самой, но твердо усвоили: с экосистемами шутки плохи, и потому оберегали природу с тем же кропотливым тщанием, с каким проектировали эстакады и дренажные штольни. В Источник Виктория вода просачивается по микротрубочкам, как в обычный берег, а воздух засасывают искусно наклоненные экспоненциальные раструбы калл, каждый раструб — точка в пространстве параметров, не

шибко отстоящая от расчетной идеальной кривой. По прочности они выдерживают тайфуны, но гнутся и шелестят от легкого ветерка. Залетевшие внутрь птицы чувствуют нисходящий воздушный ток и предпочитают упорхнуть подобру-поздорову, даже не успевая обделаться со страху.

Каллы отходят от огромной, со стадион, граненой вазы, Алмазного Дворца, открытого для публичного обозрения. Туристы, спортивного вида пенсионеры, группы облаченных в форму школьников нескончаемой чередой проходят его коридорами, наблюдая через хрустальные стены (на самом деле это, конечно, чистый алмаз, который много дешевле стекла), различные этапы молекулярной сортировочной линии, которую представляет собой Источник Виктория. Грязный воздух и грязная вода поступают в огромные емкости. В соседних емкостях вода и воздух почище. Повторите несколько десятков раз. Последние емкости содержат совершенно чистый азот и совершенно чистую воду.

Череда емкостей называется каскадом — абстрактная причуда инженеров, малопонятная экскурсантам, которые не находят здесь ни одного достойного кадра. Очистка происходит в стенках между емкостями. На самом деле «стенки» представляют собой бесконечные решетки беспрерывно вращающихся субмикроскопических зубчатых колесиков. Каждый зубчик подхватывает молекулу азота или воды с грязной стороны и переносит на чистую. Все, что не азот и не вода, не подхватывается, а следовательно, не попадает в следующую емкость. Другие колесики извлекают полезные примеси, как то: углерод, серу и фосфор; они попадают в другие, параллельные каскады и там проходят полную очистку. Рассортированные молекулы сливаются в резервуары, часть потом соединяют в простые, но полезные молекулярные безделицы. В конце концов все поступает на ленту молекулярного конвейера, более известного как Линия Подачи, берущего начало от Виктории и еще полудюжины источников Атлантиды Шанхайской.

*Бад испытывает денежные затруднения;
визит к банкиру*

Бад сам удивился, сколько ходил с лобешником, прежде чем по-настоящему разозлился и пустил его в ход. Одно сознание придавало ему такой уверенный вид, что никто в здравом уме не решался слова сказать поперек. Достаточно было зыркнуть, и все становились как шелковые.

Пришло время продвигаться вверх. Он искал работу локатора, но это оказалось непросто. Альтернативная фармакологическая промышленность работала по системе изготовления — доставка, стараясь не запасать впрок, чтобы в случае облавы не засыпаться с крупной партией. Продукт получали в подпольных матсборщиках, расованных по пустующим многоэтажкам, а гонцы доставляли его непосредственно уличным пушерам. Тем временем в окрестностях расхаживали тучи маньков и локаторов, нигде не останавливаясь надолго, чтобы не загреметь в участок за шатание без дела, высматривая сквозь стекла черных очков копов или коповские груши.

Когда Бад послал прежнего босса, то был уверен, что гонцом устроится всегда. Однако тут ему подсурили. Пару месяцев назад из Северной Америки привалили несколько дирижаблей белой и черной босоты, на рынке труда случился затор. Сейчас Бад потратил последние юки, и ему обрыдла бесплатная пища из общественных матсборщиков.

В банке «Павлин» его встретил красавец мужчина с проседью в черной бороде. От него пахло апельсинами. Щегольской двубортный костюм подчеркивал узкую талию. Банкир занимал довольно обшарпанный кабинет на верхнем этаже туристического агентства в мрачном квартале между аэродромом и прибрежными борделями.

Они обменялись рукопожатиями, затем банкир сложил руки на груди и оперся о край стола. В этой позе он слушал,